

RU

Потенциальность нормы пенитенциарного закона XIX века

Голиков Л. М.

Аннотация. Цель исследования - определить понятие потенциальности директивных форм на материале актов пенитенциарного закона XIX в. В статье исследуется значение потенциальности, определяемое характером бенефактивности и степенью прагматической самостоятельности субъекта потенциальной ситуации. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые описываются наиболее общие семантико-прагматические особенности нормативных высказываний уголовно-исполнительного законодательства XIX в. В результате доказано, что значение потенциальности лежит в основе различения нормативных модусов принуждения и разрешения, составляющих директивную модальность законодательного текста.

EN

Potentiality of Norm of XIX-Century Penitentiary Law

Golikov L. M.

Abstract. The study aims to define the notion of potentiality of directive forms based on the material of acts belonging to the penitentiary law of the XIX century. The article examines the meaning of potentiality, which is determined by the nature of benefactivity and the degree of pragmatic independence of the subject of a potential situation. The study is novel in that it is the first to describe the most common semantic and pragmatic features of the normative statements belonging to the penal legislation of the XIX century. As a result, it is proved that the meaning of potentiality is a basis for distinguishing normative modes of coercion and permission, which constitute directive modality of the legislative text.

Введение

Актуальность данной работы определяется недостаточной изученностью специфики модальности норм российского уголовно-исполнительного законодательства XIX в. – периода, когда формировалась парадигма форм законодательной регламентации в качестве основных средств выражения важнейшей текстообразующей, или шире – жанрообразующей, категории законодательного текста – директивной модальности, которая объединяет в себе субъективные деонтические модусы и общую императивную направленность. Представляется, что настоящее исследование способно дополнить представления о семантико-прагматических особенностях языка права Российской империи, в полноте которых отечественная лингвистическая наука испытывает особый дефицит.

Мы утверждаем, что директивность законодательных норм пенитенциарного дискурса XIX в. – сложное семантическое образование, подразумевающее реализацию 1) модуса принуждения (значения деонтической необходимости, реализуемого в законодательном дискурсе) или 2) модуса разрешения с учетом определенных конвенциональных установок. Можно предположить, что противопоставление принуждающих и разрешительных прескрипций определяется характером значения потенциальности, ими реализуемого. Таким образом, задачами настоящей статьи являются следующие: во-первых, определить понятие нормативной потенциальности; во-вторых, описать особенности потенциальности, различающие ситуации нормативного принуждения и нормативного разрешения в пенитенциарном законе XIX в.

Решение поставленных перед исследователем задач осуществлялось посредством использования методов семантического и прагматического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды А. В. Бондарко [9], Е. И. Беляевой [3; 4], С. Н. Цейтлин [4], посвященные описанию семантики потенциальности; представления А. В. Бондарко об императивной ситуации [7], Т. Г. Акимовой о бенефактивности императивных высказываний [1; 2]; работы В. А. Бирюлина [6], А. Вежбицкой [10], А. Хоанг [28], И. Б. Шатуновского [29], в которых выделены семантико-прагматические особенности речевого акта разрешения.

Практическая значимость исследования обеспечивается тем, что полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию языковых механизмов нормативной регламентации в процессе построения законодательной системы, следовательно, совершенствованию современных приемов отечественной законодательной техники, кроме того, могут дополнить содержание языковых курсов для обучающихся по юридическим специальностям и направлениям и быть использованы в ходе формирования нормотворческой компетенции.

Понятие нормативной потенциальности

Значения нормативного принуждения и нормативного разрешения являются разновидностями деонтической модальности. В первом случае «агэнс обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает; или если есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить» [20]. Во-втором – подразумевается «возможность действий некоторого Агэнса, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» [Там же]. Семантическую специфику модусов нормативной директивности определяет конвенциональность законодательного дискурса с особым характером институциональности, отличающим его в качестве акта волеизъявления, реализующегося в прагматических условиях 1) категоричности волеизъявления в самой высокой степени (категоричность в данном случае понимается как «семантико-прагматическая категория, для которой характерна шкалированность» [19, с. 67]), когда наблюдается доминирование автора закона, обладающего статусом законодателя, над его адресатом; 2) легитимности, или обязательного признания адресатом закона доминирующей роли законодателя и необходимости исполнения его воли. То есть конвенциональность, представляя систему социокультурных норм, регулирующих взаимоотношения коммуникантов [17, с. 4, 7], определяет особенности ролей коммуникантов и характер их взаимодействия.

Прагматический статус законодателя порождает важный для законодательного дискурса семантический признак – утилитарность, заключающуюся в особой возможности автора, выступающего субъектом целеполагания [18, с. 183-188], предполагать необходимость возникновения определенной ситуации, исходя из критерия ее полезности (ср. *«Во избежание же затруднений в тех учреждениях, где нет достаточного числа людей для выполнения предписываемого инструкции при окулировании производства дезинфекции, признано полезным применять несложный аппарат, введенный в 1883 году Главным Тюремным Управлением для дезинфекции барж, перевозящих ссыльных по Волге, Каме и рекам Западной Сибири»* [14, с. 82]). Утилитарность в подобном понимании обладает волевой направленностью, которая «характеризует... потенциальную природу» нормативной директивности, «фиксируя целесообразную перспективную направленность действия» [26, с. 20].

В свою очередь, роль адресата закона подразумевает набор возможностей, с которыми непосредственно связана каузация потенциальной ситуации, что определяет исполнимость законодательной нормы (ср. *«Возможность постоянного своего стола обусловливается для подсудимых арестантов разрешением ежедневного приноса для них пищи...»* в качестве пояснения к норме *«Осужденным на заключение в тюрьме дозволяется, с разрешения местного Попечительного о тюрьмах Комитета или местного начальства, иметь собственный стол и другую пищу...»* [27, с. 206-207]). Таким образом, директивная модальность законодательной нормы базируется на соотношении утилитарности и исполнимости.

Подобное утверждение соответствует тезису о том, что «назначение императивного предложения состоит в достижении результата, полезного... для говорящего либо другого лица» [2, с. 193]. Следовательно, правовая норма как директивный акт обладает обязательным прагматическим параметром императивного высказывания – бенефактивностью [1, с. 100; 3, с. 20]. В этой связи можно предположить, что признак бенефактивности, а именно характер пользы того или иного субъекта пользы [1], лежит в основе различения значения нормативных принуждения и разрешения, определяет характер директивной потенциальности.

Представляется, что нормативная потенциальность в пенитенциарном законе XIX столетия обеспечивается определенным «фоном» [9, с. 79] деонтической модальности, реализуемой законодательным текстом, являет собой «предпосылки» [Там же], подразумевающие законодательную необходимость или возможность для того, чтобы правовая норма могла стать фактической реальностью. Таким фоном, или предпосылками, выступают конвенциональные установки, утилитарность и исполнимость в качестве обязательных семантико-прагматических характеристик законодательной регламентации. Однако, как отмечает А. В. Бондарко, «понятие потенциальности в одном своем аспекте относится к предпосылкам (“фону”) императивной ситуации, а в другом – к ее собственным элементам» [Там же]. В случае законодательного дискурса это реализуется следующим образом. Законодатель, создавая норму как акт волеизъявления, если перефразировать И. Б. Шагуновского, не непосредственно побуждает адресата нормы каузировать предполагаемую законодателем в качестве полезной ситуацию, но сам по себе только порождает деонтическую необходимость или возможность для адресата нормы каузировать подобную ситуацию [29, с. 319]. Иными словами, структура нормативного принуждения или разрешения осложнена противопоставлением правовой реальности, которую представляет ситуация правовой нормы, реально существующая после акта волеизъявления, и потенциальной ситуации, ирреальной до момента ее каузации. То есть законодательные предположения о полезности и исполнимости потенциальной ситуации представляются детерминирующими факторами, в свою очередь, сама законодательная норма как акт волеизъявления может быть определена детерминирующей ситуацией, «которая заключает в себе фактор, каузирующий осуществление связи субъекта предметной ситуации и его

признака. <...> Логически детерминирующая ситуация является основанием для осуществления потенциальной ситуации» [4, с. 125]. Законодательная норма функционирует как «потенциально-актуализируемая форма» [7, с. 86], актуализирующаяся в определенных условиях (ср. «По каждому приговору Уголовных Судебных мест, вступающему в Губернское Правление, по надлежащем его утверждении, производятся два рода исполнения: 1) экзекуция и 2) ссылка» [11, с. 434]). Такая временная неактуализированность форм регламентации в пенитенциарном законе определенным образом сближает их с типом императивных конструкций, представленных пословицами «Куй железо, пока горячо»; «Береги честь смолоду», когда «обобщенное побуждение... постоянно» [7, с. 86]. Пенитенциарные нормы отличаются конкретностью говорящего субъекта – законодателя – и, если использовать терминологию А. В. Бондарко, явностью выраженного изменения потенциального в реальное [Там же], или же правовой реальности в фактическую реальность. Однако явность нормативной прескрипции обеспечивается не «временной локализованностью», или «включением каузируемого действия в однонаправленный поток времени», когда «на одном уровне (в исходный момент волеизъявления) налицо одна ситуация, на другом уровне (в тот момент или период, к которому относится намечаемая реализация действия) – другая, новая» [Там же], а обязательностью возникновения потенциальной ситуации (в данном случае подразумевается максимальный контроль [5], который может реализовываться и со стороны автора-законодателя, и со стороны субъекта потенциальной ситуации: субъект-адресат законодательной нормы обязательно совершает действие, которое станет причиной возникновения потенциальной ситуации) и, при определенных условиях, повторяемостью (субъект-адресат законодательной нормы обязательно постоянно совершает действие, которое станет причиной возникновения потенциальной ситуации).

Таким образом, под потенциальностью законодательной нормы можно понимать определяемую конвенциональными установками законодательного дискурса и соотношением прагматических статусов субъектов законодательной нормы связь между правовой реальностью и фактом реализации потенциальной ситуации.

Потенциальность нормативного принуждения

Нормативное принуждение как категориальная ситуация [8] в пенитенциарном законе XIX века первично, из него истекает нормативное разрешение. Соответственно, значение принуждения является базовым для директивной модальности в законодательном дискурсе, определяет специфику директивной потенциальности в целом.

Ситуацию нормативного принуждения как разновидность императивной ситуации оформляют взаимоотношения автора и адресата законодательной нормы [7]. Это обстоятельство позволяет предположить, что потенциальность нормативного принуждения порождается в поле пересечения семантических признаков, определяющих автора нормы и субъекта ситуации принуждения (того, кого принуждают), а именно: утилитарности и ответственности соответственно. Последний признак предполагает не только исполнимость нормы, или способность субъекта потенциальной ситуации каузировать предполагаемую законодателем ситуацию, но и способность выступать в качестве субъекта пользы в случае каузации предполагаемой законодателем ситуации. Польза в данном случае трактуется как отсутствие определенного негативного воздействия, предполагаемого, если потенциальная ситуация не возникает (ср. «51. Дежурный на отделении надзиратель наблюдает за целостью и сохранностью находящегося на отделении казенного имущества, за бережливым ношением арестантами одежды и обуви и за соблюдением чистоты на отделении (§ 124). 52. За все замеченные на отделении беспорядки и неисправности отделенный надзиратель ответственен, хотя бы они произошли и в его отсутствии. Этим, однако, не устраняется ответственность и заместителя отделенного надзирателя, когда беспорядки случились во время дежурства последнего (§ 125)» [23, с. 104]).

В этом семантическом пространстве возникает сила принуждения (ср. понятие «иллокутивная сила» [25]), которая выстраивает в единой парадигме и нормативные приказы (ср. «Преступников из жителей Тобольской Губернии распределять в тамошнем Приказе о ссыльных вместе с поступившими из Российских Губерний» [11, с. 456]), запреты (ср. «Арестантам холостым запрещается вступать в браки, а женатым жить вместе с женами» [27, с. 223]), и нормативные декларации (ср. «Ключи от кладовых, шкафов и сундуков, в коих находится имущество арестантов, хранятся в Конторе у Смотрителя» [15, с. 3]), обязанности (ср. «Утренняя и вечерняя молитва должна быть читаема ежедневно, пред всем собранием арестантов» [21, с. 29]). Все указанные формы определяются нами как императивные или выражающие значение императива: «Говорящий, самим фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [13, с. 21].

Совершенно очевидно, что успешность законодательной нормы, когда акт волеизъявления как явление правовой реальности переходит в акт каузации потенциальной ситуации как явление фактической реальности, достигается только в том случае, если законодательная цель (предполагаемая полезная ситуация) будет соответствовать потенциам адресата нормы. В этом случае субъекты ситуации принуждения коррелируют в качестве субъектов пользы: законодатель получает пользу в результате возникновения потенциальной ситуации, субъект ситуации принуждения получает пользу в результате невозникновения негативных последствий. Так, законодатель не может требовать способствовать возникновению того, что субъект ситуации принуждения каузировать неспособен. В этом случае исчезает бенефактивность принуждения в целом: утилитарность нормы нивелируется, а у адресата остается только способность подвергаться негативному воздействию. Если же у субъекта принуждения подобная способность отсутствует, то он перестает быть субъектом пользы,

что приводит к утрате признака обязательности, то есть утрачивается сила принуждения. И в том и в другом случае законодательная норма лишается потенциальности.

Таким образом, сила принуждения подразумевает каузацию потенциальной ситуации, когда законодатель выступает субъектом пользы в случае возникновения потенциальной ситуации, а адресат, будучи прагматически абсолютно зависимым, получает пользу в случае исполнения требуемого действия, результатом которого явилось возникновение потенциальной ситуации, иначе говоря, получает пользу в случае исполнения нормы.

Потенциальность нормативного разрешения

Характер потенциальности разрешительных прескрипций, выражающих модус разрешения, несколько иной. Главной семантической особенностью нормативного разрешения является зависимость от ситуации запрета, или отрицательного принуждения («...можно сказать, что запрет – это отрицательный приказ...» [10, с. 263]), то есть ситуация нормативного разрешения «...некоторым образом строится на основе запрета» [Там же], когда наблюдается «конфликт между активным желанием Исполнителя развивать свою деятельность в определенном направлении и невозможностью такого развития» [6, с. 22-23], пока законодатель или иной субъект волеизъявления «не разрешит ему сделать Р (не произнесет определенные слова)» [29, с. 320] (ср. *«Вывод арестантов по одиночке или малыми партиями не должен быть вовсе допускаем; вывод партий менее 10 человек может быть допускаем Начальниками лишь с особого разрешения местного начальства»* [27, с. 253]).

«Ситуация разрешения накладывается на ситуацию запрета: границами пересечения являются моменты актов волеизъявления, в пределах которых выделяется субъект, обладающий ответственностью, что обеспечивается модусом принуждения...» [12, с. 16]. Субъекты ситуаций запрета и разрешения до момента реализации акта разрешения, когда устранены «факторы, сдерживающие деятельность» [6, с. 22], представляют собой единый прагматический образ, который характеризуется 1) ответственностью и 2) наличием «плана» совершить определенное действие (ср. данное А. Хоанг определение разрешения как речевого акта, «при котором Прескриптор выражает согласие с тем, чтобы Исполнитель совершил какое-л. запланированное им действие, несмотря на то, что первый имеет полную возможность запретить это действие» [28, с. 8]). Последний признак является неперенным условием потенциальности нормативного разрешения, он продиктован желанием (стимулом) совершить определенное действие [10, с. 264; 28, с. 5, 6; 29, с. 320] (ср. *«Перевод арестантов из одного исправительного отделения в другое, или назначение арестантов не в те исправительные отделения, которых указаны в росписании... вследствие ли дурного поведения, болезни или по личным, имущественным и семейным обстоятельствам преступников, может быть разрешен только в особо исключительных случаях и только Главным Тюремным Управлением вследствие особого о том ходатайства, не самих только арестантов, а губернского начальства»* [22, с. 198]). После реализации акта нормативного разрешения субъект ситуации разрешения утрачивает признак ответственности.

Сочетание законодательной утилитарности, характеризующей автора нормативного разрешения, и «плана» субъекта потенциальной ситуации, подразумевающего выполнение действия, определяет их в качестве субъектов, получающих пользу непосредственно от каузации предполагаемой ситуации. В отличие от субъекта ситуации запрета, или отрицательного принуждения, который является субъектом пользы в результате невозникновения негативных последствий, субъект ситуации разрешения сближается с автором законодательной нормы, выступая одновременно актантом потенциальной ситуации и субъектом целеполагания, предполагающим полезным возникновение подобной будущей ситуации (ср. *«В виду сих соображений и приведенных законов, а, по соглашению с Министром Юстиции, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в случае принятия иноверцами, во время их содержания под стражею, христианской религии, не встречается препятствий дозволять им приписываться к тому городскому обществу, какое они сами изберут, без согласия на то обществ»* [24, с. 254]).

Потенциальность нормативного разрешения обуславливается «планом» актанта каузировать потенциальную ситуацию, возникает в момент отрицания невозможности подобной каузации и нивелирования силы принуждения в результате утраты субъектом ситуации разрешения признака ответственности. Данное определение значительно уточняет и дополняет наше утверждение о том, что «семантика потенциальности нормативных запрета и разрешения реализуется через такой семантический признак, как ответственность субъекта ситуации запрета или разрешения» [12, с. 15].

Таким образом, потенциальность нормативного разрешения, которую мы условно определим как сила возможности, возникает, когда снимается «конфликт между активным желанием Исполнителя развивать свою деятельность в определенном направлении и невозможностью такого развития» [6, с. 22-23], а актант потенциальной ситуации приобретает относительную прагматическую самостоятельность, сближаясь с законодателем в качестве субъекта целеполагания.

Заключение

В качестве выводов мы можем представить следующие положения.

Директивность норм пенитенциарного дискурса XIX в., представляемая модусами принуждения и разрешения, – семантический комплекс признаков нормативной утилитарности и нормативной исполнимости, основанных на категоричности и легитимности акта законодательного волеизъявления.

Потенциальность законодательной прескрипции представляет собой связь между правовой реальностью и фактом реализации потенциальной ситуации. Определяемое характером бенефактивности и степенью прагматической самостоятельности субъекта потенциальной ситуации значение потенциальности лежит в основе различия значений нормативного принуждения и нормативного разрешения.

Так, ситуация принуждения подразумевает потенциальность как силу принуждения, возникающую в поле пересечения утилитарности автора нормы и ответственности ее адресата. Первый как субъект целеполагания получает пользу в результате возникновения потенциальной ситуации. Последний как прагматически абсолютно несамостоятельный актант потенциальной ситуации является субъектом пользы в случае исполнения нормы.

Зависимость нормативного разрешения от отрицательного принуждения (запрета) проявляется в том числе в единстве прагматического образа субъектов ситуаций запрета и разрешения, разделяющегося в момент реализации акта разрешения, когда снимается невозможность производства актантом запланированного им действия, в результате которого возникает потенциальная ситуация. То есть потенциальность ситуации разрешения, или сила разрешения, возникает в результате отрицания принуждения, когда актант потенциальной ситуации лишается признака ответственности и приобретает относительную прагматическую самостоятельность, становясь подобным законодателю субъектом целеполагания.

В качестве перспектив дальнейшего исследования видится изучение специфики директивной модальности, отражающей «взаимосвязь речевого жанра как феномена речевой системности и текстовой модальности как языковой универсалии, репрезентированной в тексте» [16, с. 25]. В этом аспекте особый интерес представляют циркулярные прескрипции, возникшие под влиянием законодательного и канцелярского дискурсов XIX столетия [24], когда деонтические модусы дополняются оценочными значениями.

Источники | References

1. Акимова Т. Г. Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива / ред. В. С. Храковский. М.: АН СССР, 1990. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. С. 99-103.
2. Акимова Т. Г. Повелительные предложения в английском языке // Типология императивных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1992. С. 189-200.
3. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.
4. Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 123-126.
5. Бергельсон М. Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива / ред. В. С. Храковский. М.: АН СССР, 1990. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. С. 13-18.
6. Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 1992. 41 с.
7. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 80-89.
8. Бондарко А. В. Категориальные ситуации (к теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20-32.
9. Бондарко А. В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 72-79.
10. Вежибicka А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 251-275.
11. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. С. 433-469.
12. Голиков Л. М. Дискриминационное разрешение в законе Российской империи о евреях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 12. С. 14-19.
13. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
14. Инструкция для дезинфекции тюремных помещений, мягких постельных принадлежностей, белья, платья и извержений больных // Коковцов В. Н. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 81-82.
15. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Пермь: Типография Губернского Правления, 1882. 25 с.
16. Киреева Е. З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 25-38.
17. Колтунова М. В. Конвенциональность как основа делового общения: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2006. 46 с.
18. Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 163-238.
19. Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю. Императивные структурно-семантические модели как индикаторы категоричности побуждения // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 66-71.

20. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> Модальность (дата обращения: 17.11.2020).
21. Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства // Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы. Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства. Дополнительные правила к Уставу о содержащихся под стражей. СПб.: Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. С. 17-40.
22. Правила распределения преступников по исправительным арестантским отделениям. Приложение № 48 к п. 1 ст. 285 // Устав о содержащихся под стражей. Т. XIV Свода Законов, по продолжению 1902 года / сост. Казан. губ. тюрем. инспектор А. Н. Рябчиков. Неофиц. изд-е. Казань: Лито-тип. Л. П. Антонова, 1903. С. 195-198.
23. Правила службы тюремных надзирателей. Приложение № 19 // Устав о содержащихся под стражей. Т. XIV Свода Законов, по продолжению 1902 года / сост. Казан. губ. тюрем. инспектор А. Н. Рябчиков. Неофиц. изд-е. Казань: Лито-тип. Л. П. Антонова, 1903. С. 91-107.
24. Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 год. СПб.: Гл. тюрем. упр., 1880. 674 с.
25. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170-194.
26. Сытько А. В. Понятийное содержание воли в деонтической семантике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2019. № 2. С. 15-22.
27. Устав о содержащихся под стражей // Устав о содержащихся под стражей. Т. XIV Свода Законов, по продолжению 1902 года / сост. Казан. губ. тюрем. инспектор А. Н. Рябчиков. Неофиц. изд-е. Казань: Лито-тип. Л. П. Антонова, 1903. С. 1-296.
28. Хоанг А. Высказывания со значением разрешения и запрещения в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993. 20 с.
29. Шатуновский И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319-325.

Информация об авторах | Author information

Голиков Леонид Михайлович¹, к. филол. н., доц.

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Golikov Leonid Mikhailovich¹, PhD

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

¹ lgolikov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.03.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): язык пенитенциарного закона XIX в; директивная модальность; значение потенциальности; нормативное принуждение; нормативное разрешение; language of penitentiary law of the XIX century; directive modality; meaning of potentiality; normative coercion; normative permission.